

Юрий Михайлик

Никто не прав

* * *

Что поделаешь – время прощаться,
ритуалы твои отменя.
Если волны в твой берег стучатся,
то одна – прямым от меня.
Летним дождиком – легким и кратким,
пролечу над ночной тишиной,
чтоб разбиться на скользкой брусчатке,
на коричневой, на обливной.
И в туманную осень врезаясь,
оборвется тревожный сигнал,
чтоб тебе хоть на миг показалось,
будто ты этот голос узнал.
И в порту, у пустого причала,
вдруг приснятся железные сны,
где безумная чайка кричала
то, что было важней тишины.
Так что жизнь – небольшая утрата,
потому что с тобой – на века –
и багряная строчка заката,
и волны голубая строка.

* * *

А что если Атлантида
всплыла, обросла льдом
и, вырядившись Антарктидой,
врывается в каждый дом.

Град, обезумевший ветер,
в небесах свинцовая тьма.
Где-то июль – лето.
Извините, у нас – зима.
Деревья, рухнув, повисли
на проводах тугих.
Конец света в буквальном смысле,
а также во всех других.
Континент как кораблик в буре,
ветер рвет остатки снастей,
сила ветра и температура –
никаких других новостей.
Мачты падают, рвутся ванты –
лед вырос на крыльях рулей...
Все наверх, господа атланты!
Надевайте что потеплей.

* * *

Итальянский лукавый амфир кое-где обретается здесь,
утверждая, что весь этот мир состоит из морей и небес.

Да, мой друг, из небес и морей, ибо море лежит у дверей,
небеса тишиной голубой берегут синеву под собой.

Из морей, из чужих якорей, из огней, уходящих ко дну,
если темный Борей январей до Босфора гоняет волну.
Отдохнув после шторма, волна – тише радости, жизни нежней,
наша память всегда солоня, наше море еще солоней.

Мир опять состоит из небес, выбирающих нас наугад.
одаряющий светом чудес, белизною своих колоннад.

Двадцать дивных колонн на холме подпирают тугой небосвод,
там, за ними, взывая ко мне, море дышит и небо живет.

Триптих

1.

Над Петроградом в белых небесах
стоит луна, от ужаса дрожа.
Адмиралтейский ангел на часах
опять проспал начало мятежа.

Ночной патруль. Матросская проверка.
Дверь хлопнет за спиной.
На саночках серебряного века
да с горки ледяной.

Попомнишь эту горку удалую –
с раската прямо в грязь,
от стужи, смерти и от поцелуя
лишь муфтой заслонясь.

2.

Никто не прав. Ни здесь, ни на орбитах
холодных звезд.
Наш путь из трилобитов в троглодиты –
увы! – не прост.

Черным-черна от злобы и пожара
за нами степь.

Мы все, что помещается в гитару,
успели спеть.

И только запах, горький и отвратный,
сгоревших трав,
он говорит, что нам пора обратно.
Никто не прав.

3.

Не нужно пророчеств. Но там, вдалеке,
под дождиком редким
ты будешь слова выводить на песке
случайною веткой.

Нездешним богам и чужим берегам
досталось под старость,
но тех, кто умел прочитывать по слогам,
уже не осталось.

И только встревоженный хищник лесной
почует – и страшен, и жалок –
не век ледяной, не шаги за спиной –
слабеющий запах фиалок.

* * *

Черное море. Белый пароход.
В небе вместе с нами облако плывет.
А ночью небо низкое – со звездочкой во лбу.
Крымскую, Колымскую гуляй свою судьбу.
Фуражечку надвинув, по морю идет
«Адмирал Нахимов», белый пароход.
Огни во мрак навькат, трофейный исполин,
но, извините, выкрест, – он раньше был «Берлин».

Ах, все уже предсказано – в грядущем и в былом,
все давно завязано двойным морским узлом.
В городочке Пинске помнят – кто кем был.
Секунд-майор Нахимов был раньше Самуил.
Он принял христианство по узелку причин,
он выслужил дворянство и офицерский чин,
А сын, Пал Степаныч, российский адмирал,
себе он, как положено, судьбу не выбирал.

Ах, городочку Пинску отпущено сполна –
он слишком долго помнил иные имена.
У этих рвов под Пинском морская глубина –
первая, пятая, девятая волна...
Черное море. Белый пароход.
Встречным сухогрузом разорван правый борт.
В небе бывшим длинным отзвуком возник
плывший над Берлином долгий женский крик.

Короткие зарницы. У них на уме –
бортпроводницы в кренящейся тьме,
там девочки-студентки глядят изглубока,
как белые по небу всплывают облака.
Крымская, Колымская удача и беда,
о том, что знает море, – на море ни следа.
Пенные сплетенья по гребням веков –
волна качает тени белых облаков.

Ах, все на свете связано, срифмовано давно,
по небу размазано, ахнуло на дно,
а глядя из моря – все наоборот,
там голосом горя скрипочка поет –
светится, колеблется, тает и поет –
белое море, черный пароход...

* * *

Евгению Голубовскому

В этом сборище скифских, гуннских и готских прибрежий
ни промеров, ни лоций, ни зла не найти, ни добра,
и останки галер попадаютя реже и реже,
а все больше подводные лодки, торпедные катера.

Это греки включали кораблекрушенья в поэмы,
археологи бредят, а я и гадать не берусь –
что же было в тех амфорах? Ибо погибла трирема
меж Харибдой и Сциллой, и волны похитили груз...

За три тысячи лет эти скалы укрылись в сказаньях,
обменявшись местами, исчезло добро или зло.
Через тысячи лет эта форма и есть содержанье,
тем, кто знает об этом, неслыханно повезло.

Просто белая глина своевольна, как белая пена,
виноградной лозы измышляя капризный извив,
средиземный орнамент таится в морях неизменно,
ни волны, ни струны в дивных замыслах не повторив.

Пальцы мастера – глина хранит торжество и дрожанье.
Винным камнем иль масляным крыто пологое дно.
Жизнь наполнена жизнью. Эта форма и есть содержанье,
продолжение в вечность того, что постичь не дано.

Ни следа на песке, кто стоял здесь, потерю оплакав.
Ни следа на воде, кто тонул, пропадая в беде.
Но сосуд возрожденный три тысячи лет черно-лаков –
эти люди танцуют в городах, не возникших нигде.

Что же было в тех амфорах, смытых и морем разбитых?
Масло, уксус, вино? Но морская волна наизусть
сохраняет далекий зеленых соленых забытых,
обжигающих память, горчайший и сладостный вкус.

* * *

Прилетает орел для расправы –
и клюет ему печень,
древнегреческой скукой и славой
навсегда обеспечен.
Вот опять он клюет и бросает,
то ли вправду наелся,
то ли впрямь от рутины спасает
и титана, и Зевса.
Мы Зевесовы сроки отбыли,
догорает эпоха,
то, что мы ей огня не добыли, –
тоже, в общем, неплохо.
Что ж, над нами унылые грифы
не попросят добавки,
ибо нам не легенды да мифы –
только сплетни да байки.
Если вдуматься честно и строго –
что там сверху витает?
И богов в этом небе немного,
и орлов не хватает.

